

ТЕРМИНОЛОГИЯ ЦЕРКОВНО-ПЕВЧЕСКИХ РУКОПИСЕЙ XV–XVII ВЕКОВ

Вопросы теоретической терминологии в области церковно-певческого искусства поднимаются во многих специальных работах; в частности, в 2006 году была защищена кандидатская диссертация Е.Е. Астахиной на соискание ученой степени кандидата филологических наук «Музыкальная терминология русских церковных песнопений» [1]. Вопросы терминологии начали ставиться уже в классических трудах отечественных медиевистов и в настоящее время они сохраняют свою актуальность. Однако изучение терминологии необходимо проводить на стыке наук, в данном случае с привлечением усилий филологов и музыковедов-медиевистов: *«<...> терминологические исследования — это прерогатива специалистов нескольких отраслей. Терминологическая работа филолога, равно как и логика, а также специалиста конкретной отрасли науки порознь не является работой терминоведа. Только объединение усилий специалистов названных профессий может создать новый тип деятельности — терминоведение»* [2, 29].

Формирование музыкальной терминологии закономерно обусловлено

практикой развития церковно-певческого искусства. Собственно понятие «термин» в широком смысле в настоящее время охватывает множество значений. Не включаясь в дискуссию по данному вопросу, выделим формулировку, приведенную в одной из работ А.А. Реформатского, который отмечал, что термины — это *«<...> слова специальные, ограниченные своим особым назначением; стремящиеся быть однозначными как точное выражение понятий и название вещей»* [3, 288].

Совокупность терминов в науке о церковно-певческом искусстве в их историческом и теоретическом значениях образует *специальную лексику*, которая является составной частью, с одной стороны, общемузыкальной лексики, с другой, несомненно, — лексики церковнославянской.

Разумеется, само понятие «термин» и «терминология» историчны: они предстают таковыми и в филологии, и в других науках¹. Конечно, применять данные термины (а слова «термин» и «терминология» — это тоже термины) в отношении музыки Древней и Средневековой Руси, строго говоря, невозможно, поскольку они,

будучи наделены двумя необходимыми свойствами с точки зрения науки сегодняшнего дня (это *ограниченность сферы употребления* и *ограниченность сферы напоминания*), не обладают третьим важным свойством — *обязательностью дефиниции*².

Однако, это правило действует строго в отношении терминов так называемого «научного периода», начало формирования которого в России, как известно, исследователи связывают с XVIII веком, в то время как предшествующий этап обычно относят к «донаучному периоду». А.Г. Дугин отмечает: «<...> можно согласиться использовать термин “донаучный” (период) применительно к различным дисциплинам, обнаруживаемым в обществе традиционного типа и имеющим некоторое сходство с наукой в ее современном понимании. При этом следует помнить, что такое словоупотребление не несет в себе оценочного характера (в смысле “донаучное” = “еще не научное”, “не дозревшее до научности”), будучи простой констатацией и условным понятием, призванным очень приблизительно описать имеющуюся реальность, значение и смысл которой только еще предстоит распознать» [6, 69–70].

Таким образом, при рассмотрении историко-теоретических материалов, связанных с церковным пением, в рамках «донаучного периода» мы можем лишь условно говорить о формировании терминов как устойчивых наименований определенных явлений и процессов, которые не получают

в сохранившихся документах дефиниций, но функциями и последовательностью применения приближаются к терминам Нового времени (следовательно, мы можем говорить о «донаучной терминологии»). Этот пласт очень важен. В.В. Виноградов указывал: «Истории терминологии той или иной сферы нашей культуры, производственной деятельности — это вместе с тем повесть о закономерностях развития знаний о природе и обществе» [7, 6–7].

Терминология церковного пения, возможно, в силу своей принадлежности к сфере канонического искусства, отличается относительной стабильностью, небольшой вариативностью и последовательной фиксацией в рукописях. Но здесь возникает закономерный вопрос: какая лексика древнерусских нотированных рукописей может рассматриваться как терминологическая? Предположительно, к ней может быть отнесена вся лексика, которая выходит за пределы собственно гимнографических текстов и уставных указаний, с которыми, однако, она часто пересекается. Данная лексика будет активно представлена в музыкально-теоретических руководствах, традиция которых будет положена на средневековом этапе, в XV веке. Но уже в Древней Руси (в XI–XIV веках) она была включена в рядовые нотированные рукописи, и стала выполнять функцию комментатора принципов изложения песнопений; поэтому входящие в ее состав лексемы должны включаться в круг рассматриваемых терминов. В этом случае источниками информации становятся:

1. сведения, касающиеся собственно песнопений;
2. уставные указания;
3. ремарки писцов (в этот период их очень мало).

Позднее к ним прибавятся, как уже было отмечено, сведения теоретических руководств.

Выделим группы терминов из рукописей древнего периода с учетом того, что они тогда складывались на основе двух типов манускриптов — *знаменного письма* и *кондакарного письма*. Данный первый исторический пласт терминов представлен в рамках корпуса богослужебных текстов, где они выступают в функции указания жанра песнопения и принципа его музыкальной организации. Эти термины почти целиком принадлежат к группе византизмов³, проявляясь или как прямое повторение (кондак, катавасия, стихира) или как калька (самогласен, подобен, глас, песнь, ипакои). В этом случае терминами становились уже существующие слова, то есть терминология образовывалась семантическим способом⁴. В нотированных рукописях (знаменных и кондакарных) мы выделяем термины, отсутствующая дефиниция которых становится очевидной из контекста — и в этом мы усматриваем особенность терминов церковно-певческого искусства донаучного этапа. Их формирование подчиняется общим законам терминологии, в частности, в работе К.М. Ушаковой читаем: «а) заимствование термина из древних классических языков <...>;

б) использование русского слова или словосочетания; в) калькирование термина <...>; г) изобретение нового слова; д) образование термина-словосочетания, состоящего из слов, имеющих разное происхождение <...>» [10, 6–7].

С точки зрения содержания мы выделяем в древних рукописях, в частности, пласты терминологии *музыкально-теоретической*: глас, самогласен, подобен, строка; *жанровой*: стихира, кондак, канон, песнь, ирмос, катавасия, тропарь. Особенностью этих терминов является то, что придя из общеупотребительной лексики, став терминами, они не утратили и своего исходного значения. Например, термин «глас», обозначающий музыкальную организацию песнопений, не уничтожил слова «глас» в его общем значении («голос») и как элемента текста богослужебных песнопений (ирмос канона 6 гласа на Богоявление «Глас Словесе, светильник Света»). В данном случае появляется возможность говорить о *полисемии* терминов, она будет проявлять себя и в дальнейшем развитии певческого искусства.

Прежде чем перейти к рассмотрению терминологии музыкально-теоретических руководств, необходимо установить существенное ограничение: названия, то есть номинации⁵ знамен, которыми собственно и исчерпывается текстовая информация в азбуках XV века, рассматриваться как термины не будут.

На наш взгляд, термины в данных руководствах проявляются в их заголовках. Именно здесь впервые фикси-

руется: *знаменье* (т.е. знамена, знаки), *имена* (т.е. названия), позднее появляются *азбука*, *произглавие* (т.е. заглавие) и так далее. Иными словами, термины не могут в данном случае быть равнозначны номинациям, как позднее, на наш взгляд, не становятся терминами объяснения их распева.

В азбуках XVI века, помимо перечисления, есть разделы толкования знамен двумя способами: в познавательном распеве и в рамках формирующейся системы попевок (то есть, разделы, где приведены объяснения типа распева: «крюк простый возгласити его мало повыше строки» и др.). На наш взгляд, терминология азбук-толкований закладывается там, где вводятся обобщающие понятия в системе пения. В этом случае терминами в азбуках-толкованиях могут быть признаны, например, следующие:

Сказание — название руководства (уже не «азбука») — последовательно изложенный текст, представляющий связное объяснение системы пения. В дальнейшем, в XVII веке, этот термин будет активно использоваться в названиях крупных теоретических руководств («Сказание о зарембах», «Сказание о пометах» и др.).

Строка — термин, сохраняющий свой двойной смысл даже в рамках церковного пения (полисемия): с одной стороны, структурная единица песнопений («в начале стихов или строки», «на концы стихов или строки»), с другой — определяющая звуковысотную и гораница двух областей, *верха* и *низа* (*ниска*).

Термин *стих* в этом контексте синонимичен, вероятно, термину *стихира*, то есть, предполагает целостное песнопение определенного жанра.

Принципиально важным в азбуках XVI века следует считать первое появление термина *попевка* («сице поется попевка сия во всех осми гласех»). Он тоже еще не получает дефиниции, но описывает ситуацию и понимается из контекста как устойчивый знаковый оборот, распевующийся в восьми гласах.

Особо активное развитие терминологии наблюдается в XVII веке — непосредственно в певческих книгах и в теоретических руководствах. И те, и другие в силу значительного объема материала нуждаются в дифференцированном рассмотрении, поэтому в данной статье внимание будет сосредоточено на терминологии музыкально-теоретических руководств, а аспекты формирования терминологии непосредственно в певческих текстах буду затронуты частично.

Развитие системы пения повлекло за собой активное формирование терминологии, призванной отразить новые элементы. Введение в оборот большого корпуса попевок определило появление целой группы терминов, начиная собственно с названия теоретического руководства — «*Кокизник*». Этот термин появляется, однако не в теоретическом, а в историческом объяснении руководства: «<...> *ученики пели для науку кокизник и подобник наузусть*»⁶ (подчеркнуто мною — З.Г.). Следовательно, термином *кокизник* становится в XVII веке. Для термина

«попевка» возникает и синоним: *знамя мудрое*⁷. И сами руководства, издающие попевки в разных формах, подчас получают названия, становящиеся новыми терминами, поскольку за ними стоит некое действие, например, *согласник*⁸ как «согласование» разных типов нотации. В «Кокизниках» формируется и терминология, связанная со строением собственно попевок: *поступка*⁹ и *доступка*¹⁰ как начальных элементов распева, а также с определением их распева — термин *ро(а) звод*. Важно и формирование понятия *ключ* в нескольких значениях. Он может использоваться как название раздела с объяснениями («Книга глаголемая кокизы. Сиречь ключ столповому и казанскому знамени»¹¹); выноситься в название большого музыкально-теоретического руководства («Ключ знаменной» инока Христофора, «Ключ разумения» Тихона Макарьевского); а также выполнять функцию синонима по отношению к термину *путь* («Имена ключевому знамени как зовется»¹²), в случаях, когда речь идет о путной нотации¹³. Как известно, словом *ключ* изначально называлось одно из знамен нотации. И здесь мы наблюдаем полисемичность термина.

Активное развитие терминологии наблюдается в связи с необходимостью объяснения новых явлений в системе пения, в том числе фиксации в рукописи разных музыкальных интерпретаций одного текста, часто идущих подряд. Такие термины возникали, например, в результате сопоставления с уже известным (выписанным ранее) распевом

(*ин ро(а)спев, ин перевод, ино знамя*), становясь устойчивым обозначением явления вариативности по меньшей мере в пределах рукописи.

Особенно большой объем новых терминов обозначился в результате введения в нотацию нового знакового пласта — киноварных *помет*. Они постепенно появляются (на рубеже XVI—XVII веков) сначала в виде нескольких отдельных литер; затем как пометы, обозначающие характер исполнения (*указательные*) в 1630–1640-е годы XVII века¹⁴; затем в виде отказа от данных помет в пользу *степенных* помет по системе Иоанна Шайдура («Сказание о пометках», 1650-е годы¹⁵) и, наконец, окончательно представляются в рамках двенадцатиступенного звукоряда в «Извещении» Александра Мезенца. Здесь последовательно формировался ряд терминов, характеризующих такое сложное явление, как *пометы*. Хотя появление помет в рукописях датируется, как отмечалось, рубежом XVI—XVII веков, а первое их объяснение относится к 1630–1640 годам (там они определяются термином *слова* («Вопрос. Что есть слова стоят над знаменем в певчей книге?»¹⁶)), собственно термин *помета* появляется позже — в одном из ранних списков руководства «Сказание о пометках»¹⁷). В пределах XVII века для термина *помета* (*пометка, подметка*) возникнет синоним *заремба*¹⁸, получивший меньшее распространение.

Трактат «Сказание о пометках» вводит, помимо собственно термина *помета*, еще ряд терминов, охватывающих

важные аспекты современного знаменного пения: *согласие*¹⁹ (отдельная ступень звукоряда)²⁰; *призна́к*²¹ в ином, по сравнению с учением Александра Мезенца, значении и др. Они во многих отношениях подготавливают «Извещение» Александра Мезенца (1670) — важнейший трактат, с терминологической точки зрения, что отмечали еще С.В. Смоленский и М.В. Бражников²².

Язык «Извещения» Александра Мезенца представляет собой удивительный по богатству и разнообразию документ с точки зрения музыкально-теоретической терминологии (отмечу, что это касается не только знаменной, но и пятилинейной нотации). Многие из терминов исследованы в работе М. В. Бражникова [12, 257–262]. При рассмотрении документа становится очевидным, что задачей Александра Мезенца было не только объяснить явления знаменного распева терминологически, но и разнообразить данную терминологию, активно используя принцип синонимии (она, как правило, ставила целью усилить художественный акцент повествования, что в целом в терминах не приветствуется), а также

введение новых терминов. Например, в трактате нет термина *ро(а)спевщик*, он заменяется на *песнорачитель*, *знаменотворец*; термин *мастер* спровоцировал появление термина *мастеропение*, а термин *глас* — *гласотечение* или *гласоступание* и др.

Самое главное в терминологической работе комиссии Александра Мезенца — введение новых терминов, обусловленных эпохой, в которой он работал, и задачами, которые в трактате ставились. Для знаменного пения это термины: *призна́к*, *призначное* и *беспризначное знамя*, *степенъ*, *отъятое знамя*, *естествогласие* (в нашем понимании — *трихорд*) и др.

Выделю термины, которые характеризуют вступающую в свои права пятилинейную систему. Здесь в формулировании понятия «дробь и тонкость мерю против нотного гласоступания» важны термины *мера* как первая попытка обозначить ритм, *нотное гласоступание* как ранний термин пятилинейной нотации. Они отмечают начало нового этапа в развитии русской музыки, а вместе с ней — и музыкально-теоретической терминологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астахина Е.Е. Музыкальная терминология русских церковных песнопений. Автореферат дис. ... канд. филологических наук. М., 2006. 23 с.
2. Петушков В.П. Лингвистика и терминоведение // Терминология и норма. (О языке терминологических стандартов). М.: Наука, 1972. С. 102–116.
3. Реформатский А.А. Введение в языковедение. М.: Учпедгиз, 1947. 176 с.
4. Филин Ф.П. Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи // Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 80. Л.: тип. № 2 Упр. изд-в и полиграфии Ленгорисполкома, 1949. 288 с.

5. Прохорова В.Л. Русская терминология (лексико-семантическое образование). М.: МГУ, 1996. 126 с.
6. Дугин А.Г. Эволюция парадигмальных оснований науки. М.: Арктогея, 2002. 412 с.
7. Виноградов В.В. Вопросы терминологии // Материалы Всесоюзного терминологического совещания. М.: АН СССР, 1961. 232 с.
8. Соболевский А.И. Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб: Тип. Императорской Академии Наук, 1910. 287 с.
9. Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. 245 с.
10. Ушакова К.М. Терминология русской риторики как учения о речи (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). Дис. ... канд. филологических наук. М., 2009. 170 с.
11. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР. 2009. 448 с.
12. Бражников М.В. Древнерусская теория музыки. Л.: Музыка, 1972. 421 с.

REFERENCES

1. Astakhina E.E. Muzykalnaya terminologiya russkikh tserkovnykh pesnopeniy [Musical terminology of Russian church hymns]. Avtoreferat dis. ... kand. filologicheskikh nauk [Abstract of the a Ph.D. thesis]. M. [Moscow], 2006. 23 p.
2. Petushkov V.P. Lingvistika i terminovedenie [Linguistics and Terminology]. Terminologiya i norma [Terminology and Standards]. (O yazyke terminologicheskikh standartov [About the language of terminology standards]). M.: Nauka [Moscow: Publishing house «Science»], 1972. P. 102–116.
3. Reformatsky A.A. Vvedenie v yazykovedenie [Introduction to Linguistics]. M.: Uchpedgiz [Moscow: State Educational Pedagogical Publishing House], 1947. 176 p.
4. Filin F.P. Leksika russkogo literaturnogo yazyka drevnekievskoy epokhi [Vocabulary of the Russian literary language of the Old Kievan epoch]. Uchenye zapiski LGPI im. A.I. Gertsena [Scientific notes of the Leningrad State Pedagogical Institute named by Gertsen]. T. 80 [Vol. 80]. L.: tip. № 2 Upr. izd-v i poligrafii Lengorispolkoma [Leningrad: The Printing House of the Office of publishing houses and polygraphy of the Leningrad Executive Committee], 1949. 288 p.
5. Prokhorova V.L. Russkaya terminologiya (leksiko-semanticheskoe obrazovanie) [Russian terminology (lexical and semantic genesis). M.: MGU [Moscow: Lomonosov Moscow State University], 1996. 126 p.
6. Dugin A.G. Evolyutsiya paradigmalnykh osnovaniy nauki [Evolution of the paradigmatic foundations of science]. M.: Arktogeya [Moscow: Publishing house «Arktogeya»], 2002. 412 p.
7. Vinogradov V.V. Voprosy terminologii [Questions of terminology]. Materialy Vsesoyuznogo terminologicheskogo soveshchaniya [Materials of the All-Union Terminological

Meeting]. M.: AN SSSR [Moscow: Academy of Sciences of the Soviet Union], 1961. 232 p.

8. *Sobolevskiy A.I.* Materialy i issledovaniya v oblasti slavyanskoj filologii i arkhologii [Materials and research in the field of Slavic philology and archeology]. SPb: Tip. Imperatorskoj Akademii Nauk [Saint Petersburg: The printing house of The Imperial Academy of Sciences], 1910. 287 p.

9. *Danilenko V.P.* Russkaya terminologiya. Opyt lingvisticheskogo opisaniya [Russian terminology. Experience of linguistic description]. M.: Nauka [Moscow: Publishing house «Science»], 1977. 245 p.

10. *Ushakova K.M.* Terminologiya russkoj ritoriki kak ucheniya o rechi (vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina XIX vv.) [Terminology of Russian rhetoric as the teaching of speech (the second half of the XVIII – the first half of the XIX century)]. Dis. ... kand. filologicheskikh nauk [Ph.D. thesis of the philological sciences]. M. [Moscow], 2009. 170 p.

11. *Azimov E.G., Shchukin A.N.* Novyy slovar metodicheskikh terminov i ponyatiy (teoriya i praktika obucheniya yazykam) [A new dictionary of methodical terms and concepts (theory and practice of teaching languages)]. M.: IKAR [Moscow: Publishing house «IKAR»]. 2009. 448 p.

12. *Brazhnikov M.V.* Drevnerusskaya teoriya muzyki [Old Russian theory of music]. L.: Muzyka [Leningrad: Publishing house «Music»], 1972. 421 p.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БАН — Библиотека Академии Наук;
ГИМ — Государственный исторический музей;
РГБ — Российская государственная библиотека;
РНБ — Российская национальная библиотека.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ф.П. Филин пишет: «Можно предположить, что в более ранние эпохи истории языка разница между словом и термином по сравнению с современной речью была менее значительной. Чем ближе к нашему времени, тем все более увеличиваются в своем составе и совершенствуются в своей структуре слова-термины» [4, 62].

2. В.Л. Прохорова отмечает: «Исследование лексики древнерусского языка вообще и лексики, соотносительной с терминологией, в частности, показывает, что специальная лексика древнерусского языка не обладает основными признаками термина.

Если как основные признаки термина современной терминологии выделяются: 1) ограниченность сферы употребления, 2) ограниченность сферы номинации, 3) обязательность дефиниции, то специальная древнерусская лексика только тяготеет к ограниченности употребления группой носителей и сферы номинации, особенно к ограниченности последней» [5, 107].

3. Кроме того, А.И. Соболевский указывал на обилие и междуславянское разнообразие пришедшей к восточным славянам христианской терминологии. (*Соболевский А. И. Материалы и исследования в области славянской филологии, и археологии* [8, 121].

4. В.Н. Даниленко отмечает, что «в терминообразовании активны и продуктивны <...> способы наименования: <...> семантический, синтаксический <...> и морфологический» [9, 90]. Она же пишет, что семантический способ заключается в придаче уже существующему слову нового значения или новых оттенков значения, и таким образом, общеупотребительное слово превращается в термин [Там же].

5. *Номинация* (от лат. *nominatio* — название, наименование). 1. Наделение названием, установление (посредством речевого акта) отношения между сущностью (предметом, ситуацией) и именем. 2. Совокупность проблем, касающихся способов наименования в форме предложения, высказывания. [11, 162].

6. Целиком высказывание выглядит следующим образом: «А старые де мастера, которые были в Московском государстве блаженные памяти при государе царе и великом князе Иванне Васильевиче всеа Руси. Поп Федор Москвитин, а прозвище Крестьянин, и усолоц Исая, а прозвище Лукошко, и Логин, прозвище Корова, и их ученики. Пели для науку, кокизник и подобник наизуст, потому оне согласие и знамя гораздо знали...» («Сказание о зарембах» // ГИМ. Син. 219. Л. 376 об. — 377).

По аналогии с термином *кокизник* в научном осмыслении явления возникнет термин *фитник*, хотя в рукописях фитники часто называются *фиты розводныя*).

7. Сборник крюковой // РНБ. Кир.-Бел. 665/922. Л. 1015.

8. Согласник, или руководство к демественному пению. // РНБ. Сол. 690/752. Л. 107.

9. «Имена столпового знамени и *поступки*» (курсив мой — З.Г.). *Азбука певчая на крюковых нотах* // РГБ. Ф. 272 № 429. Л. 12–20.

10. «Сии подобны там же со своими *доступками* елико их не обрелоя в шестом гласе» (курсив мой — З.Г.). Согласник, или руководство к демественному пению // РНБ. Сол. 690/752. Л. 70 об.

11. Сборник крюковой // БАН. 32.16.18. Л. 313.

12. Сборник крюковой // РНБ. Вяз. О-80 (60-е гг. XVII в.). Л. 536 об.

13. Отметим применение термина и в другом значении. В рукописи РНБ Погод. 1925 после завершения Ирмология выписана таблица, озаглавленная «*Ключ ирмосом всех осми гласов. Которая песнь колко ирмосов имать*» (курсив мой — З.Г.). (Сборник крюковой. Л. 128 об.), цель которой — схематизированно изложить состав данной певческой книги.

14. Сборник крюковой // РНБ. Сол. 621/660. Л. 162 об.

15. «Сказание о пометках, еже пишутся в пении над знаменем». *Азбуки нотные* // РГБ. Ф. 379. № 1. Л. 2.

16. Сборник нотный // Сол. № 621/666. Л. 162 об.

17. *Азбуки нотные* // РГБ. Ф. 379. № 1. Л. 2.

18. *Заремба* — (от польск. *zaremba* — зарубка). Сборник нотный // ГИМ. Син. 219. Л. 369–369 об.

19. «Подобает ведати о сем, яко не красоты ради пишутся над знаменем подметки. Но указуют осмогласнаго пения силу в согласиях. Понеже в седмих согласиях человеческий глас поя изменяется, из согласия в согласие превивается. боле седмих согласей отнюдь несть во всех осми гласех». Сборник богослужебный // РНБ О-ХVII № 19, л. 60 об.

20. В дальнейшем, как известно, в науке о церковном пении *согласием* стали называть часть звукоряда в три ступени.

21. «Сия же признаки где доведется положит строка против строки». Сборник богослужебный // РНБ. О-ХVII. № 19. Л. 68 об.

22. М.В. Бражников писал: «<...> терминология азбук является отражением того уровня, на котором находилось в далеком прошлом развитие русской музыкально-теоретической мысли. В особенности это следует иметь в виду, когда речь идет о таком памятнике, как “Извещение о согласнейших пометах”, а с этой точки зрения оно представляется буквально кладом. Разумеется, терминология “Извещения”, в силу широких задач и значительного объема этого труда, не может ограничиться чисто музыкальными рамками и касается других вопросов, но и они так или иначе связаны со знаменным пением и его историей» [12, 257–258].

